

УДК 811.161.1: 81-26
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-278-289

К вопросу о «(не)приличной» языковой форме в публичном информационном пространстве

С. Г. Павлов^{1,2}, Н. Е. Петрова¹

¹ Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
Нижний Новгород, Россия

² Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

Аннотация

Обосновывается целесообразность использования дополнительного критерия «респектабельной прецедентности» для объективной оценки языковой формы, употребляемой в дискурсе СМИ, по параметру «приличный / неприличный». Авторы, ссылаясь на данные современных исследований, отмечают отсутствие единого понимания и однозначного определения «неприличной» лексики, выделяют объективные и субъективные факторы, осложняющие решение этой проблемы, подчеркивают те особенности медиатекста, которые делают понятие ««(не)приличная» языковая форма» весьма относительным. Предлагаемый авторами критерий учитывает практику использования спорной языковой единицы в респектабельной публичной коммуникации и опирается на репрезентативные данные электронных корпусов текстов, что позволяет верифицировать результаты лингвистического анализа. В статье представлен опыт экспертной оценки лексики, содержащей негативную характеристику, с использованием указанного критерия.

Ключевые слова

медиадискурс, критерий, неприличная лексика, инвективный, прагматика, лингвистическая экспертиза, прецедентное употребление

Для цитирования

Павлов С. Г., Петрова Н. Е. К вопросу о «(не)приличной» языковой форме в публичном информационном пространстве // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 278–289. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-278-289

On the Issue of “(not) decent” Linguistic Form in the Public Information Space

S. G. Pavlov^{1,2}, N. E. Petrova¹

¹ Nizhny Novgorod State Pedagogical University of Kozma Minin
Nizhny Novgorod, Russian Federation

² National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract

The article justifies the advantages of using the additional criterion of “respectable precedence” for an objective assessment of the linguistic form used in the media discourse, according to the parameter “decent / indecent”. The authors, referring to the data of modern research, notice the lack of a common understanding and unambiguous definition of indecent vocabulary, highlight the objective and subjective factors that complicate the solution of this problem, emphasize those features of the media text that make the concept of “(not) decent” linguistic form very relative. The criterion proposed by the authors takes into account the practice of using a controversial linguistic unit in

© С. Г. Павлов, Н. Е. Петрова, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism

respectable public communication and relies on representative data of electronic text corpora, which makes it possible to verify the results of linguistic analysis. The article presents the outcomes of expert assessment of vocabulary with negative connotation using the above-mentioned criterion.

Keywords

media discourse, criterion, indecent vocabulary, invective, pragmatics, forensic linguistics, precedent usage

For citation

Pavlov S. G., Petrova N. E. On the Issue of “(not) decent” Linguistic Form in the Public Information Space. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, p. 278–289. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-278-289

Введение

Объектом данного исследования является понятие «(не)приличная языковая форма», которое укрепилось в практике лингвистических исследований в связи с процессами юридизации текста. В данном случае под юридизацией мы понимаем ситуацию, когда продукт речевой деятельности становится объектом правового регулирования [Голев, 2000. С. 8]. Предметом исследования являются критерии лингвистической квалификации «(не)приличной» языковой формы. Несмотря на практическую необходимость четкого определения (не)приличной языковой формы и довольно большое количество работ, где это понятие рассматривается в аспекте юридического оскорбления и агрессивной коммуникации, однозначного решения о критериях определения «(не)приличности» той или иной языковой единицы нет. Целью настоящего исследования является обоснование дополнительного критерия квалификации языковой формы с точки зрения «(не)приличности». Предлагаемый новый критерий основывается на анализе прагматических условий функционирования лексических единиц в речевой практике говорящего коллектива, что предполагает привлечение широкого корпуса текстов и, таким образом, позволяет повысить объективность лингвистических выводов [Баранов, 2009. С. 475–477]. В ходе исследования привлекались данные толковых словарей, использовались эвристический метод (сбор и регистрация языковых фактов), инструментальный метод (поиск и оценка языковых фактов с помощью корпусных технологий), методы семантического и контекстуального анализа.

Постановка проблемы

Отсутствие четких критериев при квалификации языковой формы с точки зрения ее «(не)приличности» обусловлено объективными и субъективными факторами. Объективным является тот факт, что содержащим аксиологический компонент понятиям в принципе не могут быть даны непротиворечивые и нетавтологичные дефиниции, поскольку категория ценности антропогенна и, как следствие, принципиально субъективна. Если бы все носители лингвокультуры интуитивно и безальтернативно понимали, что такое «неприличный», «циничный», «аморальный», «безнравственный», «противоречащий нормам» и т. п., как все интуитивно понимают, что такое время или число, то необходимости назначения лингвистической экспертизы по проблеме «(не)приличности» просто бы не возникало. К объективным факторам можно отнести также тенденцию к свободе выражения мысли и демократизации языка в сфере массовой коммуникации, широкое распространение онлайн-общения в виртуальном пространстве, что вызывает привыкание к специфическим формам разговорной речи, в частности к жестким инвективам, использующимся в условиях устного неформального общения. Именно с общим раскрепощением российской социальной жизни, по мнению В. М. Мокиенко [1994], связана легализация сквернословия в художественной литературе и средствах массовой информации.

Субъективным фактором мы считаем в целом терпимое отношение российского социума к грубому выражению оценки и сквернословью. В среде лингвистов, например, табуированная лексика рассматривается как интересный объект изучения, обладающий аксиологической

значимостью: «В основе эксперимента лежит моя гипотеза о том, что с помощью матерных слов сложнее лгать. Это такой своеобразный правдивый код. Данное допущение основано на эмоциональной природе мата – в основе значения матерного слова лежит эмоция, а на языке эмоций сложнее сказать неправду»¹. Д. Н. Голев справедливо обращает внимание на процессы детабуизации даже нецензурного (матерного) слова, которые идут в направлении «от намека на него через купюру, к намеку первой буквой, далее к первой и последней, к полному написанию латиницей и, наконец, к матерщине прямым текстом буквами родного языка» [2000. С. 18].

Особенно сложно однозначно определить сущность понятия «(не)приличная форма», если речь идет о массовой коммуникации, ядро которой составляет дискурс СМИ. Характерной чертой современной медиасреды является активизация идеологической оппозиции «свой – чужой» и, как следствие, такая политизация мнений, суждений, оценок, «когда становятся востребованными прямые идеологические оценки, словесные ярлыки; активизируются технологии манипуляционного воздействия» [Высоцкая, Петрова, 2018. С. 43]. Жесткое, на грани допустимого, выражение негативной оценки используется в целях самопрезентации автора и привлечения внимания потенциальных потребителей к информационному материалу.

Рассматриваемая нами проблема требует обращения к категории адресата медиатекста, поскольку его автор ориентируется на потенциального читателя не только с точки зрения информационного содержания своих материалов, но и с точки зрения языкового выражения этой информации, которое «должно соответствовать языковой компетенции адресата» [Микулина, 2010. С. 228]. В научной литературе «массовая аудитория» как адресат СМИ наделяется признаками анонимности, рассредоточенности во времени и пространстве, неопределенности, разнородности, так что, в сущности, эту аудиторию объединяет только знание языка и способность более или менее успешно воспринять содержание текста [Соловьева, Медведева, 2012. С. 108]. В то же время исследователи медиадискурса отмечают нацеленность СМИ и отдельных авторов на «своего» читателя (о типологии адресата медиатекста см.: [Каминская, 2008. С. 318]): на его интересы, пристрастия и, что для нас особенно важно, на его языковой вкус, который во многом определяет стиль и пафос медиатекста [Каминская, 2016].

Ориентация на определенный тип читателя делает весьма относительной оценку языковой формы в аспекте «(не)приличности»: «Что грубее, а что менее грубо, в большей степени зависит от адресата: для него, например, мат может оказаться не так груб, как издевательское оскорбление без единого грубого слова, вроде “Иди отсюда!”» [Жельвис, 2012. С. 44]. С этим нельзя не согласиться. Думается, в 2014 г. многие могли почувствовать оскорбление в издевательски-насмешливом и абсолютно приличном по форме обращении-цитате П. А. Порошенко, бывшего тогда президентом Украины: «Прощай, немытая Россия!». И наоборот, лингвистическая экспертиза признала неоскорбительным, т. е. соответствующим понятию «приличная форма», слово *б...ь*, употребленное интервьюируемым в адрес конкретной женщины, мотивируя это тем, что для круга читателей «Экспресс-газеты», в которой интервью было напечатано, данное слово «не бранное, а свое, “житейское”, находящееся на самой грани просторечной лексики» [Баранов, 2009. С. 551]. Все сказанное обуславливает актуальность поисков объективных критериев определения «(не)приличной» языковой формы, тем более что это понятие лежит в основе юридического понятия «оскорбление».

Результаты исследования

Статья 5.61 КоАП РФ определяет оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Комментарий к ст. 5.61 КоАП РФ выделяет три параметра «неприличной» формы: 1) цинизм; 2) противоречие установленным правилам по-

¹ *Осадчий М.* Зачем русскому языку мат? URL: <https://iz.ru/612484/mikhail-osadchii/zachem-russkomu-iazyku-mat> (дата обращения 30.11.2020).

ведения; 3) противоречие требованиям общечеловеческой морали². Заметим, что такие лексические единицы, как *цинизм*, *правила поведения*, *общечеловеческая мораль* и подобные, характеризуются нечетким интенционалом, поэтому ни один из трех параметров не является самоочевидным и нуждается в дополнительных процедурах истолкования. Вместе взятые или каждый по отдельности, эти параметры не могут выступать в качестве практического критерия определения «(не)приличной» формы.

Проблему установления «(не)приличной» формы усугубляет и тот факт, что лингвистика не выработала единого понимания и однозначного определения неприличной лексики. В качестве ориентира, например, предлагается следующее определение: «Непристойная лексика, неприличная лексика, обценная лексика – слова, которые в момент их опубликования считаются неприличными, недостойными того, чтобы быть напечатанными, хотя, возможно, и могущими быть произнесенными в определенной ситуации»³. Данное определение содержит тавтологию и фактически отождествляет неприличную (непристойную, обценную) лексику с непечатной, табуированной. Прежде всего это матерные слова, а также бранная лексика, отражающая сферу «телесного низа» [Мокиенко, 1994]. Помимо названных, в число оскорбительной, или инвективной, лексики включаются собственно оценочные номинации лиц типа *подлец*, *негодяй*, номинации лиц по виду общественно порицаемой деятельности (*вор*, *жулик*, *проститутка*), зоосемантические метафоры (*скотина*, *козел*), экспрессивные номинации осуждаемых действий (*надраться*, *скурвиться*, *хапнуть*) и некоторые другие [Иванов, 2003]. Многие слова из этого списка являются вполне печатными, особенно если речь идет о современных СМИ. Они могут быть маркерами агрессивного речевого поведения журналиста, но отнюдь не обязательно – неприличной языковой формы. С этой точки зрения совершенно справедливо ставится вопрос, является ли свойство приличия или неприличия лингвистической категорией и «является ли форма высказывания статичной, независимой величиной или же определяется с учетом параметров коммуникативной ситуации» [Саженин, 2016. С. 336].

Специалисты в области права в качестве достаточного основания для вывода о наличии неприличной формы рассматривают только обценную лексику и считают главной задачей лингвистической экспертизы установление того, «относится ли слово или выражение, адресованное потерпевшему, к разряду обценной лексики» [Сидорова, 2017. С. 31]. Очевидно, что при таком подходе грубая, бранная, но необценная (печатная) лексика не будет приниматься во внимание и, по замечанию И. И. Саженина, высказывания типа *жирная мразь*, *жидовская морда* могут относиться к разряду «приличной формы» [2016. С. 336].

Обыденное языковое сознание, напротив, склонно к расширительному пониманию речевого неприличия, что влечет за собой опасность смешения бытового и юридического понятия «оскорбление»: «Такое расширительное понимание неприличной лексики не является научным и для лингвистической экспертизы неприемлемо, поскольку полностью размывает данный пласт лексики и ставит экспертизу в зависимость от субъективной точки зрения отдельного ученого, эксперта или потерпевшего, от его личных языковых симпатий и антипатий в отношении отдельных единиц языка» [Стернин и др., 2013. С. 21].

Отсутствие однозначных критериев «(не)приличности» порождает лингвистический и юридический субъективизм. Например, с одной стороны, признается неприличным, а значит, юридически оскорбительным, слово *подонок*: «...Заключение эксперта показало, что высказывание “подонок” в исследуемом контексте является оскорбительным и бранным, противоречит нравственным нормам поведения, содержит негативную, унижительную оценку

² Кодекс об административных правонарушениях РФ. Статья 5.61. Оскорбление. URL: <http://stkoaprf.ru/5-61> (дата обращения 30.11.2020).

³ Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. М. В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. С. 29.

личности, умаляющую честь и достоинство, выраженную в неприличной форме»⁴. С другой стороны, прокуратора, руководствуясь результатами лингвистической экспертизы, отказывает в иске по факту употребления обсценного слова б...ь [Баранов, 2009. С. 551].

В настоящее время понятие неприличной формы складывается в результате научной конвенции, опирающейся на авторитет словарей, данные опросов и лингвистических экспериментов [Бринев, 2009. С. 17–18]. На практике основным критерием неприличной формы служат словарные пометы *груб.*, *вульг.*, *бран.*, *презр.* и т. п., которые могут считаться маркером нарушения правил вежливого поведения в социуме. Однако подобные пометы несут на себе печать субъективности составителей, в силу чего могут не совпадать в разных словарях. Кроме того, данных помет недостаточно, для того чтобы считать соответствующие языковые формы юридически неприличными в условиях неофициального общения.

При отсутствии кодифицированного списка юридически оскорбительных слов и выражений, помимо привлечения словарных данных, требуется верифицируемый анализ прагматических аспектов функционирования спорных языковых единиц в речи носителей языка. Необходимым инструментом такого анализа служит репрезентативный корпус текстов, в частности база данных НКРЯ [Баранов, 2009. С. 475]. Корпусные технологии позволяют в целях объективной оценки языковой формы использовать критерий общественной практики, опирающийся на негласно принятые установки морального сознания. Данный критерий мы предлагаем назвать «респектабельной прецедентностью». Согласно ему, наличие у языковых средств признаков, которые по умолчанию или при определенной интерпретации могут квалифицироваться как нарушение установленных правил поведения, определяется отсутствием данных языковых средств не только в нормативных словарях современного русского языка, но и в авторской речи художественных текстов, в публицистическом дискурсе респектабельных изданий, в публичной коммуникации авторитетных носителей литературного русского языка – видных представителей науки и культуры, публицистов, журналистов, специалистов по связям с общественностью и т. п. Иначе говоря, аргументацией результатов анализа и одновременно их верификацией будет установление наличия или отсутствия спорных языковых фактов в респектабельной публичной коммуникации.

Критерий «респектабельной прецедентности» был опробован нами в процессе составления встречного экспертного заключения по конкретному юридическому делу. Лингвистическая экспертиза усмотрела неприличную форму выражения в критических высказываниях журналиста N, опубликованных в его постах. Объектом оценки стало руководство одного из предприятий, которое, по мнению N, ущемляет интересы рабочего коллектива. Рассмотрим ряд примеров, фигурирующих в экспертизе:

- (1) [О действиях руководителя предприятия. – С. П., Н. П.] ...сознательно выбранная тактика «джунглей». В которых он, возможно, мнит себя *Шерханом*⁵. Под началом *Шерхана* действительно есть *шакаля свора* прилипал...
- (2) Так примерно разные мелкие «*фюреры*», а на самом деле банальные *вертухаи* представляют членов нашего профсоюза.
- (3) Клеветников против наших ребят выставляли, *позорники*.
- (4) И соучастие в этой бесовщине – удел предателей собственного народа, то есть *выродков*.

Все выделенные слова являются инвективными номинациями человека: собственно оценочными словами (*позорники*, *выродки*), словами, содержащими негативную оценку деятельности или стиля поведения (*фюреры*, *вертухаи*, *Шерхан*, *шакаля свора*), номинации *Шерхан* и *шакаля свора* относятся к разряду негативных зоометафор. С этой точки зрения все выде-

⁴ Юридическая социальная сеть. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777357466/> (дата обращения 21.11.2020).

⁵ Слова, оцененные экспертом как оскорбительные, выделены курсивом.

ленные слова можно отнести к неприличной лексике, если, например, опираться на приведенную выше классификацию Л. Ю. Иванова.

Поддерживают выводы экспертов и данные словарей. В (1) предполагаемая оскорбительность слова *свора* со значением «люди, занимающиеся предосудительной деятельностью; шайка, банда, сброд» обусловлена не только связью с порицаемым видом деятельности, но и пометой *презр.* (МАС. Т. 3. С. 59).

В (2) употреблено слово *фюрер*, которое может вызывать прямую ассоциацию референта с фашистской идеологией и Гитлером. Это слово отсутствует в МАС (что может свидетельствовать о его нежелательности в советском дискурсе), но отмечено в ТСРЯ со значением «в фашистских организациях вождь» (ТСРЯ. С. 1059). Предполагаемая оскорбительность слова *вертухаи* обусловлена его словарным значением («надзиратели в местах лишения свободы»), контекстным смыслом («надзиратели над бесправными, как лагерные заключенные, рабочими»), жаргонным происхождением и сопутствующими негативными коннотациями: угнетение свободы со стороны власти традиционно осуждается русским менталитетом.

В (3) инвективой является слово *позорник*, отсутствующее в нормативных толковых словарях современного русского языка, но представленное в словаре ненормативной лексики под редакцией Д. И. Квеселевича: *позорник* – «человек, не оправдавший доверия» (ТС. С. 633) и в «Словаре воровского жаргона»: *позорник* – «ненадежный человек» (СВЖ). Таким образом, слово *позорник* можно рассматривать как жаргонизм с негативной оценочной семантикой, оскорбительность которого обусловлена, помимо оценочного значения, возможной ассоциацией с криминальной средой.

Наконец, в (4) оценочная номинация *выродки*. В толковых словарях стилистическая оценка этого слова разнится. Так, в МАС оценочное значение «человек, который выделяется в своей семье или своей среде крайне отрицательными качествами» снабжено пометами *разг., презр.* (МАС. Т. 1. С. 277). Однако в ТСРЯ это же значение представлено только с пометой *разг.* Несмотря на это, ясно, что слово *выродок* используется для выражения резко отрицательной оценки моральных качеств человека и способствует созданию агрессивной окраски высказывания.

Однако только на основании лексического значения и словарных помет утверждать юридическую неприличность рассматриваемых лексических единиц нельзя. Попробуем привлечь к рассуждению критерий «респектабельной прецедентности».

(1). Слово *свора* само по себе и в выражении *шакалья свора* встречается в авторской речи как советских классиков, так и современных писателей: *С Таранькой, конечно, толковать не стали, отмахнулись, тут вся бычковская свора высыпала из подъезда – у них так шло по сценарию, – завертелась драка...* (Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976); НКРЯ); *Шакалья свора, одуревшая от собственной борзости и безнаказанности* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013); НКРЯ). Подчеркнем, что в «паспорте текста» координаторы проекта НКРЯ среди «лингвистически существенной информации» отмечают нейтральный стиль романов Ю. Трифонова и А. Моторова. Более того, слово *свора* зафиксировано с пометами *перен., презр.* в словаре газетно-публицистической лексики (Солганик, 2008. С. 589). Таким образом, нельзя утверждать, что употребление выражения *шакалья свора* в публичной, но неформальной коммуникации (посты) противоречит правилам русской лингвокультуры. Инвективные зоометафоры *Шерхан, шакалья свора* основаны в анализируемых текстах на образах отрицательных персонажей рассказов Р. Киплинга о Маугли и одноименного советского мультфильма. И то, и другое относится к области искусства для детей, поэтому данные образы, будучи использованными в публицистике, не могут считаться оскорбительными в юридическом смысле, т. е. с точки зрения неприличной формы.

(2). Номинация (*мелкие*) «*фюреры*», заключенная автором в кавычки, вряд ли вызовет ассоциацию с идеологией фашизма, поскольку речь идет о начальственном произволе, а не о беспрецедентной жестокости, идеях расового превосходства и т. п. Для носителя русского языка в тексте N с гораздо большей вероятностью актуализируется другой смысл слова *фю-*

пер – «человек, пытающийся установить для себя неограниченные властные полномочия и пользующийся ими в корыстных целях». Употребления слова *фюрер* для обозначения такого типа людей есть в газетном подкорпусе НКРЯ, причем в нейтральных по стилю контекстах: *Увы, человек по своей природе – существо, нуждающееся в поводе, и в определенные времена эта тяга к сильному лидеру (вождю, фюреру) обостряется* (Записал А. Мозжухин. «Ущербное и закомплексованное существо» // *lenta.ru*, 2017.12.26; НКРЯ). Номинация *вертухаи* в прямом и оценочно-переносном значении широко представлена в нейтральных (по аттестации координаторов Корпуса) художественных и публицистических текстах: *На ней и вертухаи, и нарядчики счет головам ведут* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича, НКРЯ); *...в каждом бараке – своя элита и свои изгои, дельцы и бойцы, шоумены и клакеры, пахари и вертухаи* (В. Лапенков. *Arsgrossica: литературная Россия и фабула глобализации* // «Звезда», 2003; НКРЯ); *У нас нет общества, есть быдло, молчаливое и покорное, и номенклатурные вертухаи* (Ю. Нагибин. *Бунташный остров*; НКРЯ); *Изучение стихотворной речи на языке идеологических вертухаев (на зарплате и добровольных) называлось формализмом* (В. Баевский и др. Штрихи к портрету // «Знамя», 2012; НКРЯ). Таким образом, нет оснований квалифицировать слово *вертухай* как неприличную форму для выражения требуемого смысла.

(3). Номинация *позорники* в публикации журналиста N употребляется не в жаргонном значении «ненадежные люди», а выражает привычный для обычного носителя русского языка смысл, который в Викисловаре⁶ маркируется пометой *разг.* и толкуется как «тот, кто совершил неблагоприятный поступок, вызывающий осуждение, презрение». Таким образом, слово *позорник* в публикации журналиста N и в словарях ненормативной лексики фактически являются омонимами. Добавим, что слово *позорник* зафиксировано (несомненно, не как жаргонизм) в орфографических и орфоэпических нормативных словарях (Академос; ПОС; БОС), что свидетельствует о его востребованности и об отсутствии у него такого смысла и экспрессии, которые табуируют это слово в публичной коммуникации. Слово *позорник* допускает добродушно-шутливое употребление. Данное обстоятельство предполагает, скорее, не грубобранную, а разговорно-презрительную экспрессию слова: *Он закурил, посмотрел на поле, на лице его все то же снисходительное выражение: чего, мол, возьмется, штуку закатить не могут. – Позорники! – кричит он громко и добродушно* (В. Амлинский. *Мальчишки без девочек* // Юность, 1971; НКРЯ). Факт употребления слова *позорник* в цензурно бдительной центральной советской печати, в журнале, ориентированном на молодежную аудиторию, свидетельствует об отсутствии у данного слова признаков противоречия «установленным правилам поведения» или по меньшей мере о невозможности категоричного утверждения их наличия.

(4). Номинация *выродки* в публикации журналиста N имеет игровой характер, обыгрывающий общую этимологию данного слова и слова из его непосредственного контекстуального окружения – *народ*: «...Удел предателей собственного **народа**, то есть **выродков**». В результате слово *выродки* выражает особый смысл, который можно сформулировать как «недостойные представители своего народа, предавшие его интересы и тем самым потерявшие право принадлежать к нему». Сема «потеря принадлежности» сближает этот смысл с устаревшим, не оценочным значением слова *выродок* – «о том, кто не похож по своим физическим, душевным и т. д. качествам на других членов семьи или какой-либо категории лиц, к которой он принадлежит» (МАС. Т. 1. С. 277). Ср. аналогичный стилистический прием буквальной интерпретации этимологии слова в публицистическом тексте, опубликованном в журнале «Жизнь национальностей»: *В патриархальной России своими родовыми корнями пренебрегали только поганые **выродки** – всякие политические авантюристы, бездушные людишки...* («Жизнь национальностей», 2004.06.16; НКРЯ). Таким образом, прецедент респек-

⁶ URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (дата обращения 30.11.2020).

табельного употребления этой оценочной номинации в аналогичном значении свидетельствует о допустимости использования слова *выродок* / *выродки* в публицистическом дискурсе.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что лингвистический анализ, в результате которого языковая форма квалифицируется как приличная или неприличная, с необходимостью должен включать эмпирические данные. Критерий «респектабельной прецедентности» опирается на языковую аксиологию общества, т. е. на моральное сознание носителей языка, рассматриваемых как надындивидуальный субъект. В силу этого указанный критерий смещает квалификацию языковой формы от элитарной авторитарности лингвистов к демократичной конвенциональности социума, позволяя избежать произвольного ужесточения или, наоборот, либерализации оценки языкового факта. Наличие «респектабельного прецедента» значительно повышает объективность оценки степени «приличия» спорной языковой формы, а электронная база данных НКРЯ дает возможность использовать для этого репрезентативный фактический материал. Разумеется, на практике (и это демонстрирует представленный здесь анализ спорных лексических единиц) критерий «респектабельной прецедентности» должен применяться с учетом всех прагматических факторов и контекстных условий функционирования спорной единицы.

Иллюстративный материал НКРЯ является не мнением, а фактом. Однако данный «факт» лишен непреложности того, что в научном и в обыденном смысле признается фактом. Опровержение материала НКРЯ («факта») может включать два момента: 1) убедительная демонстрация того, что спорный языковой факт и «респектабельный прецедент» употреблены в принципиально разных коммуникативных условиях; 2) доказательство того, что «респектабельный прецедент» не является таковым, поскольку его автор по каким-то причинам отступил от принятых в публичной коммуникации правил общения.

Наличие респектабельного прецедента является важным прагматическим показателем того, что авторитетные субъекты (лица, издательские редакции) оценивают ту или иную языковую единицу как допустимую в текстах, адресованных массовому читателю. Вместе с тем отсутствие прецедентного употребления в НКРЯ не означает автоматического признания неприличности спорного языкового факта по двум причинам: 1) возможности языка в продуцировании новых оценочных смыслов безграничны; 2) мощности любого, даже самого полного, Корпуса ограничены.

Критерий «респектабельного прецедента» ставит перед исследователями вопрос об оценке респектабельности того или иного источника. Полагаем, что в аспекте поставленной задачи респектабельным дискурсом можно считать авторскую речь художественной литературы (без маркировки по возрастному ограничению), тексты авторитетных газет и так называемых толстых журналов, сохраняющих традицию самоцензуры авторов и издателей: «Коллективы литературных журналов, их постоянные авторы и клуб читателей вокруг них – это компетентные экспертные советы, формирующие и общественный вкус, и литературные моды»⁷. Однако окончательное решение этого вопроса требует специальных исследований и выходит за рамки данной работы.

Список литературы

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 592 с.

⁷ Толстые литературные журналы // Сайт Лабиринт.ру. URL: <https://www.labyrinth.ru/top/tolstye/> (дата обращения 30.11.2020).

- Бринев К. И.** Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертиологии // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. № 34 (172), вып. 36. С. 15–20.
- Высоцкая И. В., Петрова Н. Е.** К проблеме периодизации языка современных российских СМИ // Вопросы журналистики. 2018. № 3. С. 36–47.
- Голев Н. Д.** Юридизация естественного русского языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика: 2: русский язык в его естественном юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. С. 8–41.
- Жельвис В. И.** Категория грубости как антитеза вежливости // Юрислингвистика. 2012. № 1. С. 42–51.
- Иванов Л. Ю.** Инвективная лексика, или оскорбительная лексика // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 209–210.
- Каминская Т. Л.** Автор и адресат в современных медиатекстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2008. Вып. 2, ч. 2. С. 314–319.
- Каминская Т. Л.** Стилистическая концепция адресата: медийная практика // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 100–105.
- Микулина И. В.** Трансформация статуса адресата в юридизированном тексте // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). С. 224–233.
- Мокиенко В. М.** Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. № 1/2. С. 50–73. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (дата обращения 30.11.2020).
- Саженин И. И.** Неприличная форма высказывания: этика, лингвистика, право // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 331–338.
- Сидорова И. В.** Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
- Соловьева Н. В., Медеведева Е. А.** Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «автор» и «адресат» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 32 (286), вып. 71. С. 107–111.
- Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В.** Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2013. 36 с.

Список словарей

- Академос: научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA&all=x> (дата обращения 30.11.2020).
- БОС – Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 928 с.
- Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (дата обращения 30.11.2020).
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: РАН, 1999. Т. 4. 800 с.
- ПОС – Полный орфографический словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/poisk-find.html?searchword=%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA&ordering=&searchphrase=all> (дата обращения 30.11.2020).
- СВЖ – Словарь воровского жаргона. 2012. URL: <https://slovar.cc/sleng/vor/2490101.html> (дата обращения 30.11.2020).
- Солганик Г. Я.** Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения. М.: АСТ: Астрель, 2008. 589 с.

ТС – Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: Ок. 16 000 слов / Под ред. Д. И. Квеселевича. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1021 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

- Baranov A. N.** Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika: ucheb. posobie. 2-e izd. [Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice. Textbook, 2nd edition]. Moscow, Flinta: Nauka, 2009, 592 p. (in Russ.)
- Brinev K. I.** Reshenie problem oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertologii [Solution for the Problem of Insult in Linguistic Expertise]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Arts and Letters], 2009, no. 34 (172), iss. 36, p. 15–20. (in Russ.)
- Golev N. D.** Yuridizatsiya estestvennogo russkogo yazyka kak lingvisticheskaya problema [Juridification of the Natural Russian Language as a Linguistic Problem]. In: Yurilingvistika: 2: russkij yazyk v ego estestvennom yuridicheskom bytii [Jurislinguistics: 2: Russian Language in Its Natural Legal Existence]. Interuniversity Collection of scientific Articles. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2000, p. 8–41. (in Russ.)
- Ivanov L. Yu.** Invektivnaya leksika, ili Oskorbitel'naya leksika [Invectives, or Offensive Words]. In: Kul'tura russkoj rechi [Standard Russian Language]. Encyclopedic Dictionary. Eds. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva et al. Moscow, Flinta: Nauka, 2003, p. 209–210. (in Russ.)
- Kaminskaya T. L.** Avtor i adresat v sovremennyh mediatekstah [Author and Addressee in Modern Media Texts]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2008, no. 2, pt. 2, p. 314–319. (in Russ.)
- Kaminskaya T. L.** Stilisticheskaya koncepciya adresata: medijnaya praktika [Stylistic Concept of the Addressee: Media Practice]. *Aktual'nye problemy stilistiki* [Actual Problems of Stylistics], 2016, no. 2, p. 100–105. (in Russ.)
- Mikulina I. V.** Transformaciya statusa adresata v yuridizirovannom tekste [Transformation of the addressee's status in the legalized text] // Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities. 2010, no. 24 (95), p. 224–233. (in Russ.)
- Mokienko V. M.** Russkaya brannaya leksika: cenzurnoe i necenzurnoe [Profanity: Decent and Indecent]. *Rusistika* [Russian Studies], 1994, no. 1/2, p. 50–73. URL:<http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (accessed 30.11.2020). (in Russ.)
- Sazhenin I. I.** Neprilichnaya forma vyskazyvaniya: etika, lingvistika, pravo [Indecent Form of Expression: Ethics, Linguistics, Law]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 2016, no. 10, p. 331–338. (in Russ.)
- Sidorova I. V.** Oskorblenie kak raznovidnost' psicheskogo nasiliya [Insult as a Type of Mental Abuse]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2017, no. 1 (68), p. 28–32.
- Solovieva N. V., Medvedeva E. A.** Sovremennye mediateksty v aspekte stileobrazuyushchikh kategorij “avtor” i “adresat” [Modern Media Texts in the Aspect of the Style-Establishing Categories “Author” and “Addressee”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Art and Letters], 2012, no. 32 (286), iss. 71, p. 107–111. (in Russ.)
- Sternin I. A., Antonova L. G., Karpov D. L., Shamanova M. V.** Vyyavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoj reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta [Identification of signs of humiliation of honor, dignity, diminution of business reputation and insult in the linguistic examination of the text]. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State Uni. Press, 2013, 36 p. (in Russ.)

Vysockaya I. V., Petrova N. E. K probleme periodizacii yazyka sovremennyh rossijskih SMI [The Problem of Periodization of the Modern Russian Media Language]. *Voprosy zhurnalistiki* [Russian Journal of Media Studies], 2018, no. 3, p. 36–47. (in Russ.)

Zhelvis V. I. Kategoriya grubosti kak antiteza vezhlivosti [The Category of Rudeness as the Antithesis of Courtesy]. *Yurislingvistika* [Jurislinguistics], 2012, no. 1, p. 42–51. (in Russ.)

List of Dictionaries

AkademOS: Nauchno-informacionnyj “Orfograficheskiy akademicheskiy resurs AKADEMOS” Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN [Research and Informational “Academic Spelling Resource AKADEMOS” of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA&all=x> (accessed 30.11.2020). (in Russ.)

Bol'shoj orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: Norma i eyo varianty [The Big Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Standard Pronunciation and Stress in the Beginning of the 21st Century: the Norm and its Variants]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2012, 928 p. (in Russ.)

Polnyj orfograficheskiy slovar' russkogo yazyka [CSD: Complete Spelling Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://slovar.cc/poisk-find.html?searchword=%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA&ordering=&searchphrase=all> (accessed 30.11.2020). (in Russ.)

Slovar' vorovskogo zhargona. 2012 [Criminal Slang Glossary. 2012]. URL: <https://slovar.cc/sleng/vor/2490101.html> (accessed 30.11.2020). (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Ed. by A. P. Evgeneva. Moscow, Russian Academy of Sciences, 1999, vol. 4, 800 p. (in Russ.)

Solganik G. Ya. Tolkovyj slovar'. Yazyk gazety, radio, televideniya [Explanatory Dictionary. Language of Newspaper, Radio, Television]. Moscow, AST: Astrel', 2008, 589 p. (in Russ.)

Tolkovyj slovar' nenormativnoj leksiki russkogo yazyka: Ok. 16 000 slov [Explanatory Dictionary of Russian Profanity: About 16,000 words]. Ed. by D. I. Kvesevich. Moscow, Astrel': AST, 2003, 1021 p. (in Russ.)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory Dictionary of the Russian Language Accompanied with the Etymological Information]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Publishing center “Azbukovnik”, 2007, 1175 p. (in Russ.)

Vikislovar' [Wiktionary]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (accessed 30.11.2020). (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

03.12.2020

Сведения об авторах

Павлов Сергей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

sergeypavlov70@mail.ru

Петрова Наталия Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия)
petrova_ngpu@mail.ru

Information about the Authors

Sergey G. Pavlov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Culture of Speech of the Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Associate professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
sergeypavlov70@mail.ru

Natalia E. Petrova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Culture of Speech of Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
petrova_ngpu@mail.ru